

пропитания; отсюда мое желание (так как ты мечешь в меня Горациевы копыя, то пусть прикроет меня Горациев щит):

Был бы лишь книг хороший запас да в житнице хлеба

На год, – не жить на авось, не висеть меж надеждой и страхом.

И так как я хочу, говоря его же словами, "обеспечить себе старость приличную и не чуждую Музам", и так как сильно боюсь превратностей сколько-нибудь долгой жизни, я заблаговременно принимаю меры против того и другого и мешаю с поэтическими занятиями заботы о моих частных делах. Но я делаю это спустя рукава, так что до очевидности ясно, что я лишь по нужде унижаюсь до этих забот.

Августин

Вижу, как глубоко внедрились в твое сердце эти мысли, которые должны служить оправданием безумию. Но почему ты не запечатлел в своей душе и этих слов сатирика:

Что мне богатства твои, такую накоплены пыткой?

Это ль еще не безумье, не явное мысли затмение

Жить всю жизнь в нищете, умереть вождедея богатым?

Вероятно, тебе кажется очень заманчивым умереть на ложе, покрытом пурпурными тканями, лежать в мраморной гробнице и завещать твоим преемникам спор о богатом наследстве; ведь потому вы и жаждете богатства, что оно доставляет эти преимущества. Бесплодный и, верь мне, безумный труд! Рассмотрю в общем человеческую природу и ты увидишь, что она довольствуется малым, если же ты поразмыслишь о собственной, то едва ли рождался человек, который мог бы удовлетворяться меньшим, когда бы только всеобщее заблуждение не сбило тебя с толку. Есть указание или на общественные нравы, или на характер самого говорящего в словах поэта:

Скудно питает земля: с деревьев плод каменистый

Желудь собираю, кизиль; вырываю травяные корни.

Ты же, напротив, должен признать, что ничего нет вкуснее и приятнее такой пищи, пока ты живешь сообразно своим убеждениям, а не законам безумствующей толпы. Итак, зачем ты мучаешь себя? Если ты будешь мерить по своей натуре, то ты уже давно богат, а стать богатым по оценке толпы ты никогда не сможешь; чего-нибудь всегда будет не хватать, и погоня за недостающим будет вовлекать тебя в бездны страстей. Помнишь ли, как ты некогда наслаждался своей бродячей жизнью в отдаленной усадьбе? То, прилегли на мураву лугов, ты внимал ворчливому журчанью потока; то, сидя на открытом холме, измерял свободным взглядом простертую пред тобою равнину; то в тени среди палимой солнцем долины одолевал тебя сладкий сон, и ты наслаждался желанной тишиною; и никогда не был празден твой ум, но всегда занят какою-нибудь высокой мыслью, и, сопутствуемый одними Музами, ты никогда не был один; наконец, когда с заходом солнца ты возвращался в свое тесное жилище, довольный своим достоянием, подобно тому старцу, о котором Вергилий говорит:

Был он в душе богаче царей, как вечером поздно

В дом возвращаясь, столы отягчал некупленным яством,

разве тогда ты не считал себя без сравнения самым богатым и самым счастливым из смертных?

Франциск

Увы, теперь я уверен в этом и, вспоминая то время, вздыхаю.

Августин

О чем ты вздыхаешь и кто, безумный, вверг тебя в эту скорбь? Виною твой собственный дух, ибо ему стало стыдно подчиняться так долго законам своей природы и он полагает, что не разбил оков своего рабства; он-то увлекает тебя неистово и, если ты не затянешь узды, ввергнет тебя в смертную гибель. Лишь только тебе начали приедаться плоды твоих дерев, лишь только ты стал гнушаться простой одеждой и обществом сельских жителей, ненасытная алчность снова бросила тебя в шумный водоворот городов. Как привольно, как спокойно ты живешь здесь, это видно по твоему лицу и твоим речам. И точно, каких страданий ты не видел здесь? Но, упорно пренебрегая печальным опытом, ты все еще колеблешься, вероятно, потому, что ты опутан сетями грехов, и потому, что Господу угодно, чтобы ты там же по собственной воле промотал свою жалкую старость, где под эгидой наставника протекло твое детство. Я был с тобою, когда еще отроком ты не знал никакой алчности, никакого честолюбия и подавал надежду стать великим человеком. С тех пор твой нрав переменился, несчастный! И теперь, чем более ты приближаешься к исходу, тем